

Крепость Свеаборгъ въ 1855 г.

Рисов. съ натуры В. Садовниковъ.

1. Рейдъ военныхъ кораблей. 2. Крепость. 3. Соборъ Св. Благов. Вел. Кн. Александра Невскаго. 4. Домъ коменданта. 5. Густавсвердъ (Артиллерійскій). 6. Лонгертъ (Ключевой). 7. Маякъ. 8. Кальвъ-гольмъ. 9. Сандгамъ (Лагерный).

В.С. Свенторжецкий

КОРАБЛЬ *РОССИЯ* ВО ВРЕМЯ БОМБАРДИРОВАНИЯ СВЕАБОРГА 28-го июля 1855 года*

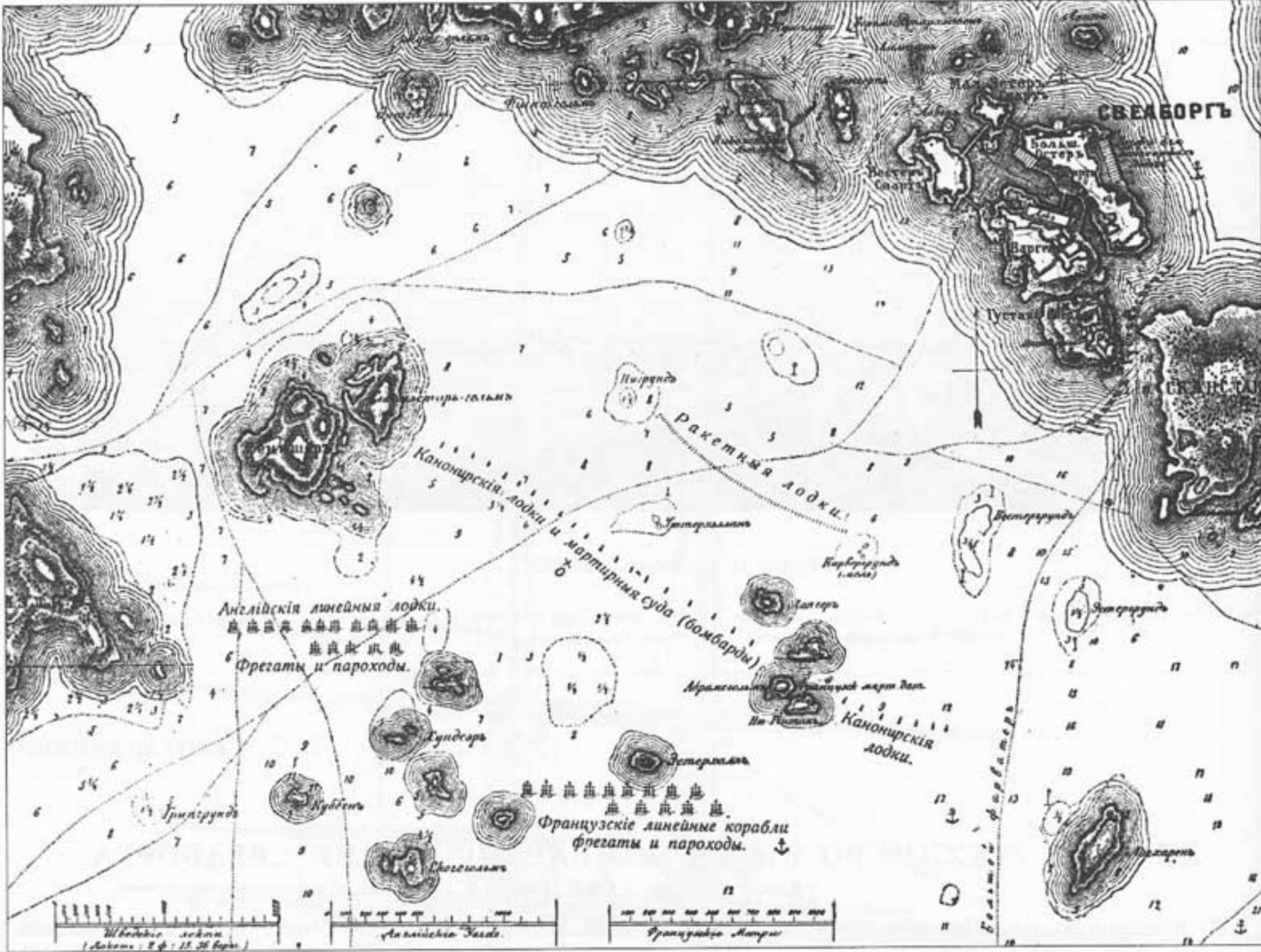
120 пушечному кораблю *Россия*¹ еще в прошедшее лето назначено было занять место между крепостью Густафс-Сверт и островом Скотланд прямо по середине узкого фарватера, единственного пути, через который могут большие корабли проникнуть на Свеаборгский рейд; потому понятно, как важен был пункт занимаемый этим кораблем.

С раннею весною показались флаги неприятельского флота; не один раз подходили неприятельские суда к крепости, конечно, на приличное расстояние и, как было видно, занимались рисою ландшафтов дикой финляндской природы и грозных укреплений Свеаборга². Всему свету известно было, какую армаду выслала Англия в Балтийское море и в каких выражениях герой ее, знаменитый Непир, грозил Свеаборгу, обещая не оставить в нем камня на камне и уничтожить все, где только увидит Русский флаг, и даже, кажется собирался всех нас перерезать, судя по приказанию отданному им своим матросам наточить острее ножи свои. Несмотря на явное хвастовство начальника победоносного флота, флаги его в начале кампании возбуждали в нас воинственную отвагу и заставляли кровь быстрее об-

ращаться в жилах. Мы с нетерпением готовились доказать ему, что обещания его не так легко исполнить, как это ему кажется в кабинете или за стаканом хорошего вина, и, что наши пушки заряжаются также не цветами. Но не долго возбуждались в нас эти чувства, скоро мы убедились, что великолепный флот пришел в Балтику для истребления частной собственности бедных финляндцев, и впоследствии грозный флаг его совершенно не обращал на себя нашего внимания. Мы, как и в мирное время, отлично провели все лето, и весело окончили кампанию, как надеемся и ныне.

Наступил и 55-й год, появился снова неприятельский флот; мы заняли по-прежнему пост свой и дни тянулись за днями, месяц за месяцем в напрасных ожиданиях посмотреть на удалство и изобретательность союзников³. Новый предводитель их [адмирал Дондас — *ред.*] наследовал вполне качества своего предшественника, опять начались постыдные грабежи и пожары беззащитных деревень и городков, обирание лайб с салякой и дровами и тому подобные подвиги. Правда, иногда проявлялось в некоторых из них благородное желание атаковать незначительные

* Печатается по изданию: Морской сборник. 1855. № 11.

План Свеаборга и расположение англо-французского флота при бомбардировке 28 и 29 июля (9 и 10 августа) 1855 г.

укрепления в разных местах Финляндии; но обыкновенно, после нескольких часов бесплодной перестрелки, где против одной нашей пушки приходилось 10 неприятельских, суда грозного, первого в мире флота уходили, недосчитываясь многих в своем экипаже. Новый предводитель наследовал также и невнимание к его силам, которое сообщилось уже нижним чинам нашим. Я не привожу здесь тысячи насмешек, которыми всегда осыпали наши матросы, всякий неприятельский флаг, показывающийся в виду Свеаборга; но мне хотелось бы показать какое равнодушие, чуть не презрение возбуждали к себе враги наши; и как часто оно бессознательно выражалось в их поступках. Не один раз бывало, случилось слышать, что на вопрос вахтенного офицера "не видно ли в море чего-нибудь", матрос, наблюдавший с марса, смело и положительно давал ответ: "ничего не видать!" На строгое замечание, что он лжет; потому, что с юта видны суда, отвечал торопливо: "да это, Ваше Благородие, опять каких-то два корабля". Вот как сильно было обаяние могущественного флота: их два ко-

рабля русский матрос не хочет считать за неприятеля, о котором следовало бы уведомить⁴.
 Июль был уже на исходе. Скоро холодная и бурливая осень прогонит гостей наших домой, говорили мы часто, но, наконец, ошиблись. 24 июля, часу в 5-м пополудни, на горизонте показалась темная полоса; мало-по-малу она росла и увеличивалась; как бы черной лентой опоясался видимый горизонт — и хорошие трубы могли различать целый лес движущихся мачт. Через час хорошо уже можно было видеть, что курс неприятельского флота направлен к Свеаборгу; мы уже различали корабли, фрегаты, канонерские лодки, идущие впереди, между тем как суда в арьергарде казались все еще темными точками на ясной лазури неба. Долго мы считали врагов своих, наконец, сосчитали около 80 вымпелов. Неприятель становился на якорь, по-видимому без всякого порядка; на другой день с раннего утра он начал расстановливать линию бомбард и канонерских лодок, начиная от острова Грохара до Реншера⁵. Зная, что в продолжении двух лет неприятель уже должен был ознакомиться со всей местностью и с нашими средствами, мы полага-

ли, что он тотчас же, как станет в линию, откроет огонь. Но день прошел спокойно, за ним другой также, и в конце третьего дня мы опять погрузились в прежнее безмятежное спокойствие и не раз спрашивали друг друга, зачем они пришли? И неужели все дело кончится одной угрозой?

Мне не раз случалось слышать от людей достаточно окуренных пороховым дымом, что накануне важных или жестоких сражений сладкий и спокойный сон смыкает веки ратников. Не знаю до какой степени это справедливо, но я согласен с этим, потому что в ночь с 27 на 28 числа спал крепким и спокойным сном до самой первого выстрела хотя совершенно не был ничем утомлен в продолжении предыдущего дня.

"Вставайте, вставайте! Ваше Благородие", — повторял вестовой. — "Что такое?" — "Да англичанин начал палить и уже бушприт нашего корабля отлетел прочь..." Я поспешно вскочил: с койки и начал одеваться; четыре барабана возвещали уже в чем дело, и возбуждающий бой расшевелил все живущее на корабле; слышна была страшная деятельность и через несколько минут корабль был в полном боевом порядке. Наступила глубокая тишина, лишь только звуки, как бы раскатов отдаленного грома, возвещали, что началось сражение — то было 7 часов утра. Вскоре за тем вся неприятельская линия открыла адский огонь; сотни бомб, гранат и ракет посыпались на крепость Свеаборг и на наш корабль; огромного калибра бомбы с грохотом разрывались в воздухе и осколками своими осыпали верхнюю нашу палубу; другие, падая отвесно, пробивали марсы, палубы и бимсы, неся за собою смерть, разрушение и пожар.

Наши корабельные батареи молчали, ибо действовать из них было бы лишняя трата пороха, снарядов, и совершенное незнание хладнокровного артиллерийского дела⁶.

Зато внимание всех было обращено на 48 фунтовую пушку, которая была поставлена на левом шкафуте. Недолго приходилось ей оставаться в бездействии — значительный отряд канонерских лодок выдвинулся из своей позиции с явным намерением вредить нашему кораблю В 8 часов лодки эти приблизились на действительный выстрел нашей пушки, и в тоже время раздалось первое — "Пли!". Зрительные трубы и сотни глаз устремились на то место, куда направлен был выстрел; "Долетело!" — раздалось в одно время с марса и юта. Надо было видеть то действие, которое произвело это слово, как на офицеров, так и на матросов; надо было видеть оживленную прислугу этого орудия, которому досталась завидная доля — ответить неприятелю. Все офицеры, начиная с капитана, на перерыв друг перед другом, спешили подойти к пушке и навести ее; матросы почитали за счастье зарядить, принести картуз, ядро и прочие потребные для дей-

ствия принадлежности. Капитан, видя рвение своей команды, приказал, по очереди, вызывать наверх прислугу прочих орудий, которая находилась в совершенном бездействии. Неохотно матросики расставились со своей, как они ее называли "ланкастеркою". Воображаю, что было бы, если бы с этой командой пришлось действовать целыми батареями — всеми 60-ю орудиями. Неприятель, стреляя большею частью навесно, не мог, относительно такой малой цели, какую представлял ему наш корабль, сначала определить с точностью дальность своих выстрелов. Только в исходе десятого часа снаряды его начали наносить нам действительный вред.

Излишним было бы описывать действие каждого неприятельского снаряда отдельно, результат постоянно был один и тот же, но, тем не менее, я не хочу ограничиться этими короткими словами, не упоминая о тех страшных катастрофах, которые ежечасно разыгрывались где-нибудь на корабле. Не говорить о них ни слова, значило бы скрывать достоинство и честь нашего экипажа, и того мужества и стойкости, которую показали наши храбрые матросы.

Я уже выше сказал, что с половины десятого огонь неприятеля в особенности сделался жесток. Бомба за бомбой падали на корабль и около него, и при каждом падении их он трясся во всем своем составе и стонал. Бимсы ломались как лучина; железные кницы рвались как нити. Вода кипела от разрывающихся бомб и целые десятки рыб плавали около ватерлинии. Вслед за грохотом лопнувшей бомбы, раздавался крик, стон, затем громкие распоряжения офицеров и густой удушливый дым наполнял палубу, так, что иногда почти не было возможности из одного дека попасть в другой. Правда, говоря вообще и сравнительно, мы понесли значительный урон, но я уверен, что он показался бы малым каждому, кто был свидетелем тех страшных разрушений, которые производили, разрывавшиеся снаряды в нижних деках с полной в них прислугою. Нужно удивляться, как уцелели у нас офицеры бывшие в деках. На небольшом пространстве полукюта, постоянно находились: командир корабля, капитан 1 ранга Поплонский, старший офицер лейтенант Костин⁷, поручик корпуса флотских штурманов Любимов, кадет 1-го Штурманского полукюта, сигнальщик и часовой под флагом. Три бомбы одна за другою упали между ними. Только заметно было, как все они невольно наклонились. Громадные снаряды пробивали ютовую палубу, как бумагу, затем следующую палубу, и все разорвались в капитанской каюте с такой силой, что некоторые осколки вылетели обратно назад, через двое палубы. Все стоявшие в это время на юте, вспрыгнули, как бы подброшенные сверхъестественною силою. Из каюты показался густой дым и в ту же минуту бросились туда лю-

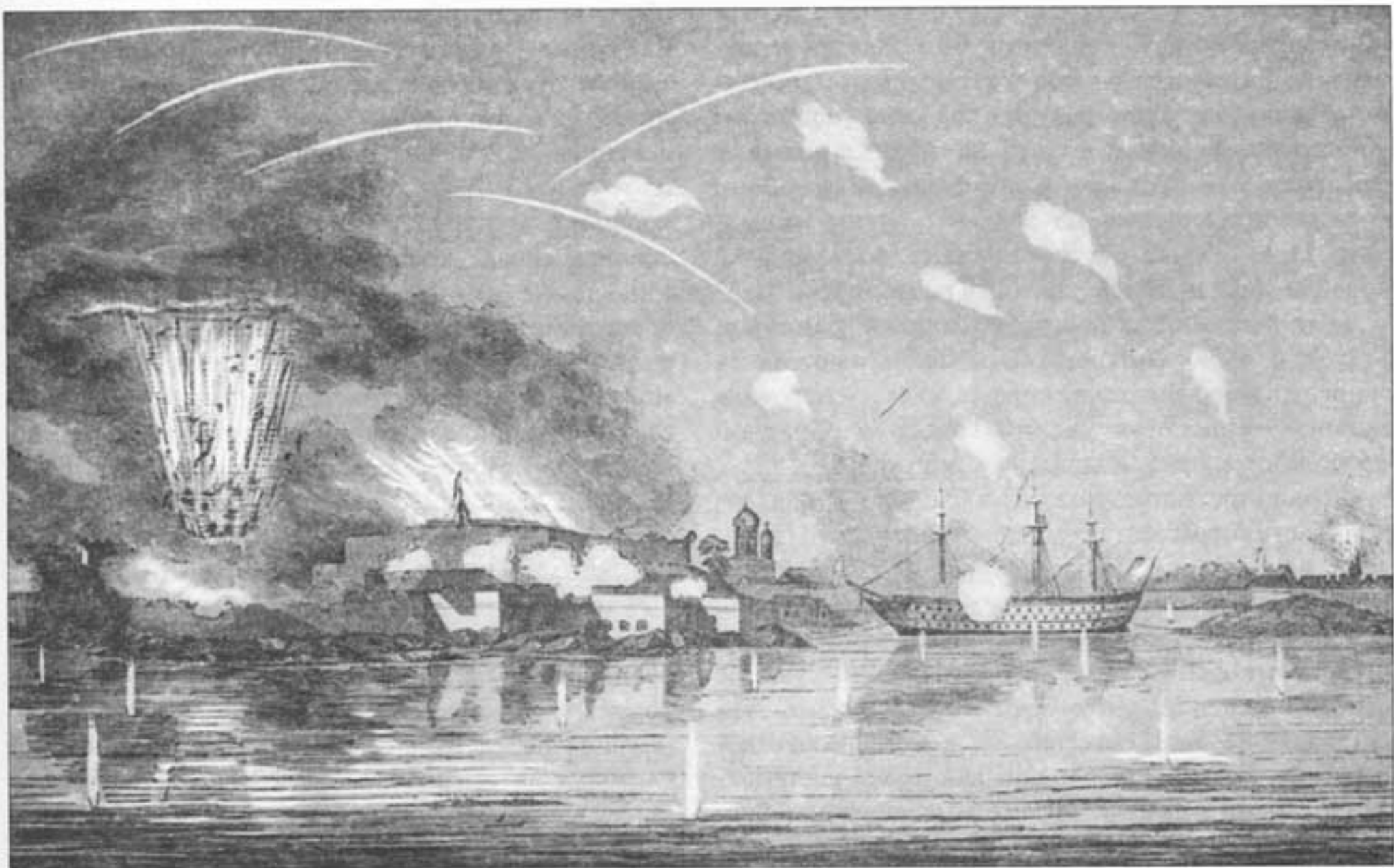
ди с ведрами и топорами, другие тащили брандспойт; и после деятельной, получасовой, работы пожар был потушен. Но какой жалкий вид представляла эта каюта; корма была разворочена, каюта опустела, прекрасная мебель была обращена в обломки, покрытые какой-то черно-бурой массой. Правая раковина почти совершенно уничтожена. Но, благодаря Богу, несмотря на три разорвавшиеся бомбы, раненых было не много.

В это же время на Густафс-Сверте взорвало бомбовые погреба. Взрыв был невероятно силен; темная масса земли, дыму, камней, поднялась прямо кверху, а вместе с ними бомбы и гранаты; как бы тысячи орудий, самым частым беглым огнем, загрохотали они в воздухе и рассыпались по земле. Корабль беспрестанно колебался от движения воздуха: осколки мелким дождем сыпались к нам на палубу, почему люди с бака должны были перейти к бизань-мачте или спуститься в батарейную палубу. Говорят даже самый жар был ощутителен. Бывшие на кубрике предполагали, что неприятель, со всеми силами, бросился на пролом и крепость вдруг открыла канонаду изо всех орудий.

После пожара в капитанской каюте я спустился в нижний дек и едва только ступил на палубу, как был поражен необыкновенно сильным треском. Инстинктивно отбежал я к другому борту и в то же время 5-пудовая бомба, пробив борт и бимс, упала на палубу, лишенная уже всякой силы, и покатила прямо к ногам батарейного командира лейтенанта Унгер Штернберга⁹. В первый момент все бросились в сторону, но, подождав немного, видя, что бомба молчит, подошли к ней. Долго публика рассматривала ее с любопытством и прочитала ей не один панегирик, украшенный крепкими словцами. Сначала некоторые матросики пробовали было выбросить ее за борт, но, натурально, не достало силы: наконец церемониально положили на койку, которую четверо взяли за углы и понесли к борту. Так как с койки ее бросить было трудно, то возник жаркий спор: бросить ли ее с койкой или сбросить последнюю; защитников последнего мнения особенно было много, не знаю как долго продолжалось бы это замечательное прение, если бы не подошел офицер и не велел выбросить все вместе. Я недолго пробыл в нижнем деке, но при мне было еще два потрясающих удара и один взрыв, а затем потянулась по трапам печальная процессия убитых и раненых. Но вот новый поразительный треск, крики и корабль зашатался; я бросился наверх, пораженный особенным гулом, за мною последовало несколько матросов. Такая же 5-пудовая бомба упала на верхнюю палубу близ фок-мачты, переломила бимс толщиной в 11 дюймов, потом ударила в палубу опердека и также переломила бимс, толщиной в 1 фут 1 дюйм. Преодолев столь сильные преграды,

она разрядилась в мидель-деке, причем вспыхнули, находившиеся близ этого места, картузы и вместе с бомбой произвели оглушительный взрыв и пожар. Все, что стояло на ногах, упало ниц; серыми клубами дым валил в палубу, скрывая все от глаз, только изредка пламя горячей палубы и бимсов, пробивалось сквозь эту тьму. Напрасно батарейный командир лейтенант фон Дезин силился выговорить слово, удушливый дым лишал всякой возможности произвести звук, наконец он закричал: "Картузы!" Сметливые матросы разом поняли, в чем дело. Несколько человек ринулись в самое место пожара и, так сказать, из огня вынесли ящики с картузами, которые выбросили за борт, что сделано и в прочих батареях. Далее я видел, что фон Дезин уже и не пытался командовать, а ограничивался пантомимами. Показав матросам руками на порт, принялся сам поднимать его; в один миг все бросились по местам и последовали его примеру; дым густою массой начал выходить из дека и окружающие предметы сделались несколько яснее. В это время работа кипела и вода лилась в изобилии. Прибежавший сверху капитан, бросился к самому месту пожара; тесно окруженный со всех сторон матросами не успел он еще сказать несколько слов, как сильная струя брандспойтов окатила его с ног до головы. Тщетно силился он закричать, речь его была заливаема водою; сквозь дым, ничего нельзя было видеть. Он делает отчаянное усилие, чтобы пробиться сквозь сплошную толпу людей, усилие его увенчалось успехом, но зато, потеряв равновесие, он упал и ушиб довольно значительно голень правой ноги. Не обращая на это внимания, он продолжает делать распоряжения и команда, одушевляемая его присутствием, работала с увлечением. Стук топоров, свист пилы, шум падающей воды, шипение брандспойта, движение нескольких десятков людей в каком-то тумане, представляло поистине, хотя тяжелое, но прекрасное зрелище. Мало-по-малу все это начало стихать, но я не дождался конца. Эта бомба произвела значительные разрушения в корабле и много стоила нам: при разрыве ее и картузов, убитых и раненых было 14 человек.

Между тем, как в каждом деке происходили драмы подобные описанной, пальба из нашей ланкастерской пушки не прекращалась, а подача картузов и ядер производилась в строгом порядке; пушка сделала уже 200 выстрелов. Вот опять из-за угла крепости показалась лодка, пушку торопились придвинуть, но лодка уже сделала выстрел; через несколько мгновений все нагнулись, бомба просвистала над головами, ударила в нижнюю часть грот-мачты, немного выше палубы, прямо в бугель, который разлетелся в куски, звенья его далеко отскочили в сторону, и в то же мгновение разорвало бомбу, Часть прислуги,

Бомбардировка Свеаборга 28 июля (9 августа) 1855 г.

Рисунок В.С. Свенторжецкого

более или менее тяжело раненная, упала на палубу, а наводивший в это время пушку корпуса морской артиллерии прапорщик Свенторжецкий⁸ упал, контуженный в ногу, на руки близ стоявшего матроса. Всех тотчас же снесли на кубрик, прислугу заменили и выстрел загремел. Я забыл упомянуть, что, незадолго пред этим, бомба, пробивши марс, ударила тотчас ниже его в готмачту, расщепила почти надвое и тут же разорвалась. Должно назвать невероятным счастьем, что осколки не задели находившегося там прапорщика Клыкова, который более 12 часов, наблюдал оттуда за полетом наших ядер, с таким же вниманием и хладнокровием, с каким он привык наблюдать движение солнца, открытие маяка, бросание лота и другие мирные предметы.

Все описанное выше произошло до полудня. С часу пополудни мы терпели менее, прибыль раненых стала уменьшаться; но в исходе 3-го часа, мы опять понесли за один раз значительную потерю. Это случилось в опер-деке. Не знаю почему, на месте падения снаряда скопилось, как нарочно, довольно большое число людей: может быть от того, что через люк видно отчасти происходящее наверху, а может быть, многих привлекло религиозное чувство, обыкновенно сильно говорящее в такие минуты, к находившемуся тут образу, только дело в том, что к нашему несчастью люди стояли здесь столпившись. Бомба пробила верхнюю палубу, вблизи светлого люка на шканцах, влетела в середину матросов, и, слегка

коснувшись следующей палубы, разорвалась. Произошло сильное смятение, людей разбросало в разные стороны; двоих убило наповал, так, что в одном едва можно было узнать образ человека; стоны и вопли 12 человек раненых, не считая контуженных, оторванные члены, кровь, густой дым, довершали ужас картины. Разрушение произведенное ею было также весьма значительно; верхняя палуба загорелась и была пробита во многих местах; находящийся тут прекрасный киот с образом был совершенно уничтожен; нижняя палуба осела; железные пиллерсы были согнуты в дугу, массивная медная решетка, покрывающая люк, была также изогнута, как ничтожная проволочная сетка. Впоследствии еще одна бомба упала около этого места, но прошла еще ниже.

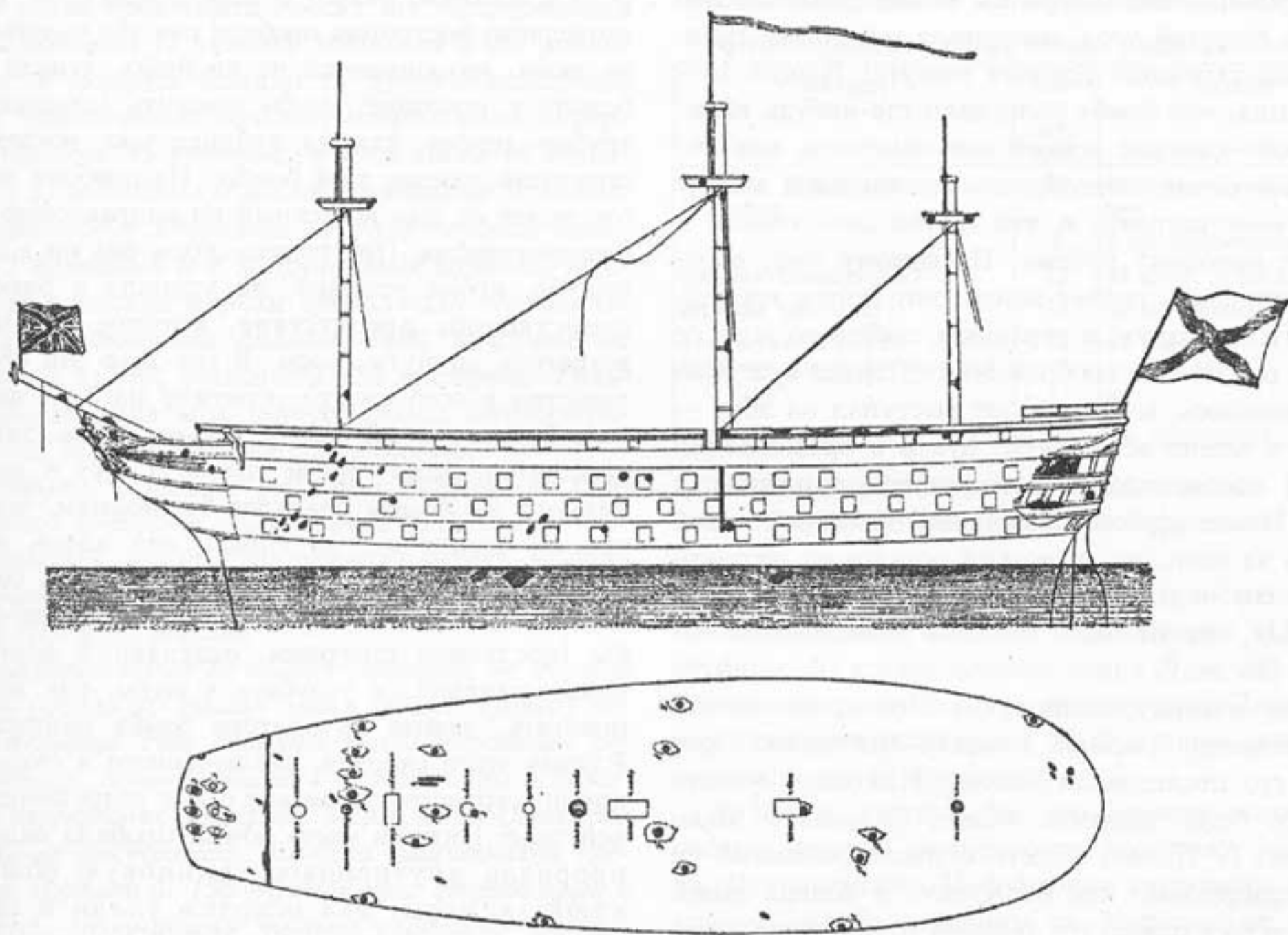
Долго было бы описывать такого рода сцены, продолжавшиеся непрерывно 17 часов сряду. Тягостно долгими казались часы эти, но мужество и рвение не упало ни в ком. Между тем как на всех точках корабля смерть, так сказать, искала жертвы, люди были бодры и по первой команде наперебой исполняли отдаваемые приказания. К полудню у нас были перебиты почти все носовые швартовы, остался один только кабельтов, почему была крайняя необходимость завести другой кабельтов. Просвистали людей на барказ и также в нижнюю палубу. Но едва барказ успел отвалить от борта, как одно из ядер, обильно падающих около корабля, пробило барказ в надводной части, причем убило наповал од-

ного человека и двоих сильно контузило; но это не помешало делу, кабельтов был завезен и вытянут. Лейтенанту Князю Ухтомскому и мичману Львову не один раз приходилось под этим убийственным огнем ездить за приказаниями к адмиралу и в крепость к коменданту, подобные поездки приходились на долю и другим мичманам. При тех же обстоятельствах приезжал на корабль дивизионный доктор Трентовиус и лейтенант Гаврищенко, перевозивший раненых. Страшно было смотреть, как близко ложились снаряды около шлюпки, справа, слева, спереди и сзади — опасность увеличивалась в обратной пропорции с приближением, к кораблю.

Все, выше описанное, происходило в надводной части корабля; посмотрим теперь что делалось на кубрике. Находясь ниже ватерлинии, кубрик считается безопасным местом во время боя и служит хранилищем пороха, бомб и всей провизии корабля, а во время сражения туда же относят раненых. Но в бою, в котором мы участвовали, не было спасения ни в одной точке корабля; и на кубрике, также как и на шканцах, пал не один храбрый. Громадные снаряды, бросаемые из мортир, падали почти отвесно, пробивали все палубы и разрывались на кубрике. Но картины смерти там были еще ужаснее, потому что их окружала тьма, в которую погружена эта часть корабля. К этому присоединилась еще неизвестность, о том, что происходит наверху, наводившая на душу тоску и нетерпение.

Единственным путем на кубрик оставался трап у грот-люка; по мере того, как спускаетесь на кубрик и переходите от ясного солнечного освещения в темноту, глаза ваши поражаются слепотою; напрасно вы стараетесь разглядеть ближайшие к вам предметы. Кто-нибудь из прислуги подает вам руку и вы, как ребенок, нерешительно подвигаетесь вперед. Ваши глаза еще ничего не могут различать, но слух передаст вам много из того, что здесь происходит; раздирающие душу стоны, крики и вопли заставляют вас отступить несколько назад. Здесь, в сравнении с тем, что происходит наверху и в деках, царствует тишина, а потому каждый стон и крик, особенно врывается в память и тяжело ложится на сердце. Я не простоял пяти минут, как уже пот градом катил с лица моего — жар здесь был нестерпимый и к тому же ужасная духота. Наконец глаза мои стали различать свет от тьмы. Два фонаря висели на бимсе в середине офицерского кубрика, два другие были в руках двух людей и тут же представлялась группа из нескольких человек. Свечи в фонарях горели как будто в бане; мерцающий свет их едва-едва освещал окружающие предметы, и я должен был сделать несколько шагов вперед, чтобы достаточно разглядеть происходившее. Мне представилась картина, которую я не желал бы более видеть. Несчастный,

облитый весь собственной своей кровью, лежал на койке; мужественное лицо его, выражало тяжкие страдания и видно, что только силою воли он едва удерживал крик; лишь одни неопределенные звуки, потрясающие душу, вырывались из груди его. Двое хирургов стояли возле него на коленях; как тени, они то подымались, то опускались снова; время от времени слышны были отдаваемые ими приказания в коротких словах, вследствие которых деятельность вдруг увеличивалась: подавалась вода, тазы, повязки, инструменты; потом снова наступала тишина; изредка свет фонаря падал на блестящую сталь инструмента, по которому бежала горячая кровь. Наконец, все кончилось, раненого отодвинули в сторону, и я увидел, что почти целая оконечность его осталась на палубе; я невольно отвернулся... Подле него лежал другой, у которого, перед этим также была отнята нога. Минуту или двое стояли врачи, говоря в вполголоса, тяжело переводя дыхание, и потом, вместе с прислугой, двинулись, между рядами раненых в другой угол. Я уже не следовал за ними; слышал только, увеличивающиеся стоны раненых, кроткий голос врача утешавший страдающего. С полчаса продолжалась перевязка и опять врачи шагов на десять передвинулись в сторону. Между тем я начал внимательнее рассматривать окружающее и, признаюсь, зрелище было поистине поразительное!... В середине кубрика стоял стол с свежими следами человеческой крови; возле него другой, — заваленный перевязками, ящиками с инструментами, склянками, бутылками; на палубе — ведра с пресною водою. К этому столу беспрерывно подходили и уходили, забирая, что было нужно. Вся палуба была завалена ранеными и непрерывные стоны их сливались в одну неопределенную, потрясающую гармонию. С правой стороны только оставлено было место, не более полутора аршина, для прохода в малую крюйт-камеру. Между ранеными оставлено было четверти две пустого пространства, вероятно для того, чтобы можно было подойти к каждому; некоторые лежали рядом, даже двое или трое помещались вместе. Почти беспрестанно ходил между ними лазаретный служитель с питьем; некоторым, по приказанию врачей, давалось цельное красное вино, другим смешанное с водою. Я пошел на другую сторону, ноги мои скользили; я сначала не обращал на это внимание до тех пор, пока не добрался до фонаря, тогда только увидел, что палуба была облита кровью и ноги скользили в ней; невольно дрожь пробежала по моим жилам. Окончив при мне едва ли не 4-ю перевязку, хирурги подошли опять к тому раненому, при котором я их застал делающими операцию. Один из них наклонился, посмотрел на раненого, взял его руку, а потом обратился к другому хирургу и сказал что-то по латыни: тот утвердительно кивнул

Повреждения корабля Россия, полученные во время бомбардировки Свеаборга

головой, сделал знак фельдшеру, который тотчас ушел в каюту священника, откуда последний и вышел с Крестом и Святыми дарами в руках. В полумрак, между окровавленными защитниками Отечества, между тяжелых стонов, началась трогательнейшая картина причащения. Трепещущий, мертвенный свет дрожал на бледном лице умирающего, протяжный голос священника прерывался, и умирающий силился повторять молитву; скрытые рыдания слышались по сторонам. Скоро все кончилось, я бросился в сторону, чтобы не видеть последних страданий причастившегося, фонари понесли в лазаретную каюту, где также было несколько раненых, и там начались перевязки. Между тем как трудились хирурги, наверху раздался глухой пушечный выстрел; корабль затрясся. Я догадался в чем дело: еще жертвы! Врачи также поняли этот звук. Мгновенно они оставили перевязку, лазаретные служители побежали к грот-люку; начали наливать воду в кружки и тазы, и к несчастью действительно, никто не обманулся. Наверху была слышна усиленная деятельность, и затем во трапам потянулись вниз с ранеными. Сначала старались осматривать тех, которых принесли на руках, за тем переходили к другим; платье, соответствующее ране, в большей части случаев разрезали. При

большом поступлении раненых в одно время, нет сомнения, пересмотр их составляет для врачей весьма трудный момент. Я не хотел более быть зрителем этих кровавых сцен, и поспешно выбежал наверх. Крепость пылала во многих местах, смертоносный чугунный град осыпал ее во всех направлениях, треск разрушающихся зданий, грохот сотни орудий, восторженные крики команды, все это сливалось в один какой-то смутный хаос, над которым парил Ангел-истребитель.

Часа через два, по оставлении кубрика, я был послан туда снова, для передачи приказаний. Прежним путем я шел, пробираясь с трудом между ранеными, невольно закрывая глаза, чтобы не видеть этой кровавой картины и уже добрался до сукна малой кюйт-камеры, как вдруг был ослеплен как бы огненным метеором, блеснувшим в нескольких шагах от меня; все кругом меня зашаталось, закружилось; как бы силою урагана меня бросило в сторону и вместе со мною упали все, по разным направлениям; затем страшный потрясающий гром и удушливая дымная мгла скрыла все от глаз. Сукно разорвалось в мелкие куски, щиты и переборки, раздробленные вдребезги, летели на пол вместе с людьми, поражая их. Хирурги, делавшие в это время близ сукна перевязку, со всеми своими атрибутами,

опрокинутые лежали далеко от своего места. Четыре фонаря, находившиеся возле, разбитые полетали в другой угол, наступила могильная тьма. То была страшная роковая минута! Всякий тотчас понял, что бомбу разорвало где-нибудь вблизи крюйт-камеры: всякий мог заметить, как синеватый огонь змееобразно пробирался между разбитыми щитами, и что густой дым темнее и темнее наполнял кубрик. Не одному мне, вероятно, пришла в голову мысль: вот сейчас корабль взлетит на воздух, и страшная смерть во всем ее ужасе рисовалась воображению. Сердце судорожно сжималось, холодной пот выступал на лбу, — и в эти немногие минуты, будто в продолжении целых часов, пролетел в голове длинный ряд идей. После первого оглушения, каждый спешил встать на ноги, но не всякий остался на них, потому что верхний слой дыма был так густ и удушлив, что не было никакой возможности дышать. Не знаю как и откуда явился, бывший до сих пор наверху, подпоручик Попов, он первый мужественно бросился к месту опасности. Примеру его последовали: вахтер Николаев, унтер-офицер Пауз, матросы: Фейго, Кальман и Коромыслов. Г. Попов, вместе с следовавшими за ним храбрецами, как бы утонул в волнах дыма; слышен был только его твердый голос, ободрявший людей; слышен был треск разрушающихся переборок под силой его железных мышц, целые половинки щитов вылетали на кубрик. Между тем уже кипели распоряжения: гул двигающейся команды покрывался то голосом капитана, то старшего офицера; длинная цепь матросов бежала с ведрами, топорами, ломками, и все они, почти крадучись, должны были пробираться между рядами раненых. По мере того, как разрушалось все, что казалось подозрительным, дым более и более наполнял воздух, особенно когда разломали каюту, где хранились лазаретные вещи: белье, тюфяки, одеяла и прочее, все это тлело и издавало нестерпимый смрад. Тогда было велено открыть люк в середине кубрика, из которого дым начал выходить свободнее. В эти минуты более всего было прискорбно смотреть на раненых и хирургов.

Нельзя не заметить, что бомба, влетевшая почти в самую крюйт-камеру и причинившая пожар вокруг нее, угрожала кораблю величайшей опасностью, едва ли в истории найдется пример, чтобы корабль находившийся в подобном положении, не взлетел на воздух.

Поэтому я считаю не лишним подробнее рассказать это происшествие.

В 12 часов 5-пудовая бомба разбив сетки, ударила в верхнюю палубу и переломила бимс. С невероятною быстротою пробила она все палубы; едва люди, находившиеся на шканцах, успели подбежать к пробоине, чтобы погасить затлевшее от трубки дерево, как на кубрике уже последовал страшный разрыв этой бомбы. Из пробоин видно, что полет ее был косвенный по направлению диагонали корабля. При полете своем она ни в одной палубе, кроме верхней, не ударила в бимс, — единственное препятствие, которое она могла встретить на пути своем. В гон-деке это обстоятельство в особенности обратило на себя внимание: бимсы в этой палубе весьма часты, так что расстояние между ними только 1 фут 4 дюйма, диаметр же бомбы равнялся 13 дюймам, так что три — четыре дюйма вправо или влево, и она встретила бы препятствие, которого не в состоянии была бы преодолеть. Коснувшись ордоп-палубы (последней преграды, отделявшей бомбу от крюйт-камеры), и углубясь в оную, как должно полагать, дюйма на полтора бомба разорвалась. Разрыв этого снаряда, заключенного в столь тесное пространство, произвел самое разрушительное действие. Нижняя часть бомбы пробила палубу и прорвала внутреннюю свинцовую обшивку крюйт-камеры, два осколка упали в самую крюйт-камеру, причем были разбиты: один пороховой ящик и 2 кокора, картузы в последних разорваны и порох рассыпан.

По потушении пожара немедленно было приступлено к заделыванию пробоины, над крюйт-камерой. Несколько бомбовых осколков засело в отвисшей части свинцовой обшивки; их вынули оттуда, но как же велико было удивление всех присутствующих, когда под осколками этими найден образ Спасителя!*

Почти в одно время с падением бомбы, 36-фунт. ядро ударило в 2-пудовую бомбическую пушку, которая стояла в гон-деке. Неприятельский снаряд попал прямо в дуло нашей пушки. Удар был столь силен, что более $\frac{1}{3}$ дульной части раскололось пополам; ядро также раскололось надвое; но никаких разрушений более не произвело.

Мы не можем похвалиться никаким особенным подвигом роль наша была страдательная — Но будучи свидетелем ревности, хладнокровия и мужества моих сослуживцев, я твердо уверен, что слова Манифеста в Бозе почившего Монарха: "Я надеюсь, что и Балтийские моряки станут наряду с товарищами своими Черноморцами", глубоко вкоренены в сердцах их.

* Нужно заметить, что бомба прошла через каюту комиссара, у которого все вещи были разбросаны в разные стороны. В числе сих вещей находился и этот образ, который, вероятно силою пороховых газов, отброшен был в эту пробоину. Ныне он сохраняется при экипажном образе.

Послесловие к "России"

17 часов простояла Россия под непрерывным огнем, потеряв 11 человек убитыми и 89 ранеными. В корабль попало 19 крупнокалиберных бомб, причинивших большие повреждения: в корпусе имелось 85 пробоин (в том числе 10 сквозных и 3 подводных). Было повреждено 9 пушек: 2 бомбические 2-пудовые, 1 48-фунтовая длинная, 2 коротких и 4 36-фунтовых каронад. Претерпев 3 пожара моряки продолжали отбиваться из единственной дальнобойной 36-фунтовой камерной пушки, сделавшей 352 выстрела. Только ночью Богатырь отбуксировал многострадальный корабль в безопасное место.

Обстрел, а точнее расстрел, укреплений Свеаборгской крепости продолжался до 30 июля, когда адмиралы англо-французского флота решили прекратить бомбардировку. 1 августа союзники удалились к о. Нарген.

Выпустив более 20 тысяч снарядов, не считая ракет (около 10 тысяч тонн одного чугуна) неприятельские суда добились очень скромных результатов, ограничившихся разрушением и пожарами деревянных построек. Укрепления Свеаборга почти не пострадали. Потери защитников крепости составили 156 человек (без страдальцев с России). Получивший только несколько попаданий Иезекииль благополучно отстоял 2 суток, имея 1 раненого. Он сделал 65 выстрелов. Цесаревич вообще не стрелял, но и потерь не имел. В него попала лишь 1 ракета.

Россия продолжала оставаться в Свеаборге до последних дней своего существования. В 1856 г. ее превратили в блокшив, а в конце 1860 исключили из списков флота. В течение 1861 г. корабль разобрали. К удивлению инженеров-судостроителей при разборке выяснилось, что дубовый корпус России (набор и обшивка) в надводной части совершенно сгнил...

Примечания

¹ 120-пушечный корабль Россия оказался последним парусным кораблем такого ранга (22-м по счету), построенным для Балтийского флота (БФ) все время его существования. Проектированием и строительством этого самого мощного и крупного тогда линкора БФ руководил известный судостроитель генерал-майор А.А. Петров (1788—1859). Корпус гиганта из казанского дуба заложили в крытом эллинге Нового Адмиралтейства в С.-Петербурге 11. 02. 1836 г. По первоначальному проекту корабль должен был иметь на вооружении 128 36-фунтовых орудий на открытой и трех батарейных палубах. В ходе постройки калибр орудий довели до 48-фунтового.

05. 06. 1839 г. Россию в присутствии императора Николая I спустили на воду. Длина корабля по гондеку составляла 208 фут (63,4 м), а ши-

рина с обшивкой бархоута — 57 фут. (17,4 м), глубина интрюма — 25 фут. 1 дюйм (7,6 м).

Артиллерийское вооружение корабля России

Палубы	Число орудий	Калибр
нижняя батарейная палуба (гон-дек)	30	48-фунт. длинных пушек
	4	2-пуд. бомбических
средняя (мидель-дек)	32	48-фунт. коротких
верхняя (опер-дек)	34	48-полупушек
открытая палуба и бак (квартер-дек и форкастель)	22	48- каронад
	2	96
	4	48- полупушек

Для вооружения гребных судов имелось: 1 24-, 2 16-, 2 8-фунтовых пушек и 8 3-фунтовых фальконетов.

27.07.1840 г. Россия отправилась в свое первое плавание имея на борту 754 человека (15 офицеров, 57 унтер-офицеров, 19 музыкантов, 649 нижних чинов и 34 нестроевых. После артиллерийских испытаний 96-фунтовые каронады заменили на 48-фунтовые.

В 1850 г. корабль был тимберован, надводная часть кормовой оконечности несколько облегчена. Одновременно 48-фунтовые карронады на открытой палубе заменены на 56-фунтовые. В таком виде Россия и встретила Крымскую войну.

² Во время Крымской (Восточной) войны 1854—1856 гг. англо-французский флот провел на Балтике 2 кампании: в 1854 и 1855 гг. Пользуясь своим техническим превосходством парусно-паровой флот союзников господствовал на всем морском театре, однако никаких серьезных действий не предпринимал, ограничившись захватом каботажных торговых судов и нападениями на отдельные приморские городки и местечки.

Кампанию 1854 г. неприятельский флот завершил захватом крепости Бомарзунд на Аланских островах. Русский флот основную силу которого составляло 26 парусных линейных кораблей, оставался в бездействии, находясь под защитой батарей и минных заграждений Кронштадта и Свеаборга. Две флотские дивизии Балтийского флота стояли на кронштадтских рейдах и одна (3-я) — на рейде Свеаборга. Здесь находилась 8 парусных линкоров, в том числе и Россия, 3 пароходофрегата, 1 парусный фрегат и часть Финляндской шхерной флотилии, состоящей из 2-х бригад гребных канонерских лодок. Свеаборгская крепость, расположенная на островах около Гельсингфорса, столицы Финляндского княжества, имела 363 орудия, из которых только 9 были современными бомбическими, с дальностью стрельбы более 600 сажень.

³ В 1855 г. союзники, помятуя о неудаче бомбардирования кораблями приморских укреплений Севастополя в 1854 г., решили использовать для

обстрела Свеаборга специально построенные плавбатареи, "бомбарды" и канонерские лодки, вооруженные бомбическими орудиями (мортирами и пушками) крупного калибра с большой дальностью полета снарядов (бомб) Эти суда пришли на Балтику в конце июня.

⁴ Насмешки простых русских моряков по поводу осторожного образа действий адмиралов англо-французского флота по человечески понятны. Однако само присутствие этого флота на Балтике вынудило сосредоточить на побережье Прибалтики и Финляндии, а также для защиты столицы, огромные сухопутные силы, по крайней мере втрое превышающие по численности русские войска в Севастополе и на территории Крыма. В этом-то и состоял главный смысл присутствия союзников на Балтийском море.

⁵ Пришедший 25 июля к Свеаборгу англо-французский флот состоял из 10 линейных кораблей, 7 фрегатов, 2 корветов, 7 пароходов. Для обстрела центра Свеаборгской крепости были предназначены 4 плавбатареи, 16 "бомбард" и 25 канлодок. 2 линейных корабля и винтовой фрегат должны были действовать против батарей на о. Сандхамн; пароход и 2 винтовых фрегата — на другом фланге против о. Друмсэ.

В 1854—1855 гг. укрепления Свеаборгской крепости были усилены постройкой новых батарей и установкой более современных пушек. Общее их число составило 565, в том числе около 200 бомбических с дальностью стрельбы до 1200 сажень. В систему обороны крепости вошли линейные корабли *Россия*, *Иезекииль*, фрегат *Цесаревич*, пароходофрегат *Богатырь*, шхуна *Вихрь* и гребные канлодки. Подступы к крепости прикрывались минными заграждениями. *Иезекииль* стоял на фарватере между островами Лонг-Эрн и Вестер-Свэрт; *Цесаревич* — в Сандхамнском проходе, а *Богатырь* оставался в резерве на внутреннем рейде. В Свеаборге находился еще один линкор *Андрей*, но из-за сильной течи корпуса он в кампанию не вооружался.

⁶ Обстрел велся на дальности 1,5—2 мили. Несколько ближе находилась лишь французская батарея (6 — 270-мм мортир), сооруженная на о. Абрахамс-Хольм 27—28. 07. 1855 г.

⁷ Василий Константинович Поплонский за этот бой был награжден орденом Св. Владимира 3 ст. с мечами. После командования парусными линкорами в 1856—1858 гг. и строящимся плавдоком (1859) капитан 1 ранга был зачислен по резервному флоту, а в 1864 г. уволен от службы с производством в контр-адмиралы.

Василий Дмитриевич Костин оставался старшим офицером *России* 8 лет (1847—1855). За бой на рейде Свеаборга он был награжден орденом Св. Владимира 4 ст. с мечами и в конце августа произведен в капитан-лейтенанты. Впоследствии Костин командовал мелкими судами

Балтийского флота (особенно долго пароходом *Невка*) и умер в 1873 в чине капитана 1 ранга.

⁸ Владимир Станиславович Свенторжецкий оказался единственным раненым (контуженным) офицером корабля в этом бою. Вскоре он написал статью с описанием расстрела *России*, опубликованную в "Морском сборнике" под инициалами "В.С-й".

В.С. Свенторжецкий родился в Выборге 07. 12. 1832 г. в семье офицера. С 15 лет учился в кондукторских ротах Учебного морского рабочего экипажа. В 1854 г., будучи унтер-офицером этого экипажа, он участвовал в подготовке к обороне финского города Або, за что был награжден жителями золотым портсигаром. В августе будущий артиллерист побывал и на войне, находясь на канлодках гребной флотилии при атаке английскими судами фарватера к Або. Произведенный после окончания учебы в марте 1855 г. в прапорщики морской артиллерии Свенторжецкий тут же направляется на *Россию*. За бой 27. 07. 1855 г. он награжден "клюквой" — орденом Св. Анны 4 ст. с надписью "за храбрость". После окончания Крымской войны 4 года плавает на корвете *Боярин* (1857—1861). Молодой офицер быстро превращается в одного из самых грамотных и энергичных офицеров-специалистов на Балтийском флоте. С 1864 г. по 1877 г. он каждую кампанию проводит при штабе начальника эскадры броненосных судов, до 1869 г. — в качестве старшего артиллерийского офицера, а затем — в качестве флагманского. В "Морском сборнике" постоянно печатаются его статьи и заметки по морской артиллерии. 1878 г. Свенторжецкий вновь проводит около Свеаборга в должности флагманского артиллериста при штабе адмирала Г.И. Бутакова, возглавлявшего не только эскадру, но и сухопутную оборону Свеаборга (см. Цитадель, 1998. №2/7). Верхом карьеры Владимира Станиславовича стало назначение на должность флагманского артиллериста при штабе начальника морских сил в Тихом океане адмирала С.С. Лесовского (1880—1881). Вернувшись с Дальнего востока полковник морской артиллерии Свенторжецкий с 1883 г. служит на берегу: начальником артиллерийской части Кронштадского порта (1883—1885) и главным артиллеристом этого порта (1886—1888), до выхода в отставку в чине генерал-майора. Его сын Евгений (он родился в 1865 г.), тоже стал моряком. Он окончил Морской корпус. В 1904—1905 гг. талантливый офицер служил в штабе адмирала З.П.Рожественского возглавлявшего 2-ю Тихоокеанскую эскадру. Вместе с ней на флагманском броненосце *Князь Суворов* Е.В. Свенторжецкий проделал весь многотрудный поход эскадры от Кронштадта до Цусимы и 14. 05. 1905 г. погиб вместе с истерзанным броненосцем.

Послесловие и примечания — В.Г. Андриенко